

Письмо советской писательницы А. А. Караваевой чехословацкому писателю Э. Шандору и О. Шандоровой¹

Москва

20 октября 1938 г.

Здравствуйте, Эло Иванович, и Вы, Ольга Даниловна!

Фото получила, но скоро ответить не могла, так как опять болела. Большое Вам спасибо за эти карточки,—получилось, по-моему, замечательно, я редко так хорошо на фото выхожу. Приятно вспомнить путешествие по каналу с друзьями Советского Союза.

Нашу карточку, Эло Иванович, тоже получила, благодарю за память. За посланную книгу сердечно благодарю.

Вы просите «не забывать» Вашу «малу страну». О, мы всегда помним о ней!. Не только мы, советские люди, граждане великой мирной социалистической державы, но и честные люди всего мира с величайшим возмущением читают о наглых издевательствах агрессоров над чехословацким народом. Я вспоминаю знакомые места, где мы проезжали осенью 1935 г.²,—и сердце сжимается от возмущения и боли за чехословацкий народ, которого фашистское вторжение выгнало из родных мест. Я написала обо всем этом статью в нашу московскую немецкую газету «Deutsche Zeitung». Читали Вы, конечно, наше писательское письмо в «Правде»³. Оно прекрасно выражает чувства и мысли представителей многонациональной советской литературы.

Желаю Вам и Ольге Даниловне бодрости душевной среди тех страданий и лишений, которые в эти траурные дни переносит чехословацкий народ.

Сердечный привет и вашей маленькой Оленьке.

Анна Караваева

ЦГАЛИ СССР, ф. 631, оп. 11, д. 461,
лл. 4—5.
Черновик.

¹ См. док. 337.

² А. Караваева приезжала в Чехословакию в 1935 г. в составе делегации советских писателей и журналистов (см. прим. к док. 107).

³ См. док. 408.

Запись беседы полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского с министром иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковским

Прага

22 октября 1938 г.

От имени Хвалковского звонил его новый главный секретарь Масаржик и просил, чтобы я пришел к Хвалковскому в Коловратский дворец (местопребывание кабинета министров и канцелярии премьер-министра), потому что со мной хочет говорить также премьер-министр Сыровы.

Хвалковский явно не хотел рассказывать мне что бы то ни было и первые моменты отделялся пустыми фразами или избитыми местами по поводу тяжести положения, в которое попала Чехословакия в результате мюнхенских решений и их осуществления быстрыми темпами. Он говорил, что не хотел быть министром, но ему прямо прика-

зали, и он как честный чиновник должен был принять приказ к исполнению, что он не намерен оставаться министром. Как только будут сделаны самые необходимые вещи, он постарается уйти со своего поста. Сейчас его внимание сосредоточено почти исключительно на вопросе об установлении точных границ¹. Он трижды проезжал то, что сейчас называется демаркационной линией. Человек, не видевший того, что там происходит, не может себе и вообразить всю тяжесть фактического положения. Поскольку невозможно было обойти вопрос о поездке Хвалковского к Гитлеру², постольку Хвалковский постарался отделаться утверждением, что никаких переговоров с Гитлером у него не было, что Риббентроп является тенью Гитлера и лишь коротко повторил Хвалковскому то, что говорил и Гитлер. Свидание с Гитлером превратилось в получасовую лекцию, а Хвалковский только слушал.

Я спросил, на какую же тему была эта лекция, и добавил, что и на лекциях профессоров спрашивают о неясных местах. Хвалковский отделался замечанием, что можно вообразить себе содержание лекции Гитлера. Вопрос же Хвалковскому удалось задать только один. Он спрашивал Гитлера, что он должен сказать в Праге, где распространено убеждение о намерении Гитлера просто уничтожить Чехословакию. Может ли он сказать, что у Гитлера нет намерений посягать на остатки Чехословакии. Гитлер будто бы ответил в несколько торжественном тоне, что он намерен установить хорошие отношения с Чехословакией, ставшей теперь гомогенным национальным государством. После этого он якобы буквально добавил, что Чехословакия должна и забыть думать о какой бы то ни было борьбе с ним, и если он заметит попытки Праги работать против него, то уничтожит Чехословакию в несколько часов и никто ему не сможет помешать. Смягчаясь, он говорил, что Прага не должна сомневаться в его доброй воле оставить жить национальную Чехословакию, которая выразилась в том, что он, например, не взял себе Пльзень и согласился оставить Чехословакии Брно и Моравскую Оставу, хотя первоначально относил два последних города к плебисцитной области. Когда границы Чехословакии пришли в движение, то никто не мог помешать ему взять и эти города.

Хвалковский упомянул о том, что Гитлер в этой связи прямо сказал, что не потерпит какой-нибудь деятельности Чехословакии в военной области. Что касается экономической жизни, то, по заключению его экспертов, Чехословакия в новых границах является вполне жизнеспособной. Хвалковский говорил, что попытка указать, в частности, на полный развал транспорта Чехословакии, встретила короткий и решительный отпор Гитлера, который заявил, что ни о каких изменениях демаркационной линии и о каких-нибудь других точках зрения, кроме национальной (фолькише), он просто не намерен говорить.

Хвалковский пытался уже с Риббентропом говорить о будущих границах и о возможности исправлений линии оккупации в пользу Чехословакии. Риббентроп тоже заявил ему, что граница пройдет там, где теперь находится демаркационная линия, и если могут быть изменения, то только самые незначительные (винциге эндерунген), и тоже не стал больше разговаривать. Дальше Хвалковский прямо отрицал, что были какие-нибудь экономические переговоры (из других источников я знаю, что были).

Дальше Хвалковский по собственной инициативе заговорил о том, что распространившиеся вчера в Праге слухи, будто бы его правительство денонсирует договор с СССР о взаимной помощи, не имеют ни-

каких оснований. Этот вопрос не возникал и не был предметом обсуждения. Вообще Хвалковский просит не верить никаким слухам и не судить по ним о нынешнем правительстве и его намерениях. В обстановке катастрофы, переживаемой Чехословакией, естественно, что никто не может охватить всего комплекса событий и дополняет неизвестное ему собственными комбинациями. Слухи возникают даже без злого умысла. Тут он вставил о том, что, например, его самого ославили фашистом, но он заверяет, что никогда фашистом не был и не будет. Он демократ и принял министерство от демократического правительства для службы демократической республике.

Возвращаясь к вопросу о договоре о взаимной помощи, Хвалковский сделал явную попытку передать инициативу отказа от договора нам. Он стал рассуждать как о чем-то само собой разумеющемся, что СССР и Франция, очевидно, договорятся между собой о судьбе своих политических договоров с Чехословакией. Поскольку я совершенно не реагировал, Хвалковский продолжал развивать мысль в том духе, что он ожидает соответствующего сообщения, и сделал вид, что вопрос этим исчерпан.

Создалось положение, при котором дальнейшее молчание Хвалковский мог принять за согласие. Поэтому я в упор спросил его: должен ли я принять этот оборот в его рассуждениях о нашем договоре о взаимной помощи за чехословацкую инициативу и подготовку к его упразднению, что противоречило бы заявлениям Хвалковского о неосновательности слухов о намерении правительства денонсировать договор. Я, видимо, сказал это довольно резко, потому что Хвалковский забеспокоился и торопливо отвечал, что у него не было намерения и нет оснований проявлять такую инициативу и он просто рассуждал вслух, исходя из предположения, что СССР и Франция сделают такой вывод из создавшегося положения. Тогда я прямо заявил Хвалковскому, что принимаю к сведению его заявление о неосновательности вчерашних слухов о готовящейся денонсации договора. Что касается предположений Хвалковского, то они явно исходят из неверного представления о задачах советской политики. Хвалковский напрасно будет ожидать инициативу СССР в каком бы то ни было вопросе, который шел бы вразрез с политикой СССР расширения и укрепления основ и форм принципа коллективной безопасности. Тем более в обстановке усиления, а не уменьшения военной опасности. Хвалковский вяло, но все же заверял, что Чехословакия продолжает ценить договор и взаимоотношения с СССР, тем более что и он согласен с оценкой, гласящей, что Чехословакию пожертвовали делу сохранения мира, но мир этим все же не обеспечен.

Хвалковский снова жаловался на трудности внутреннего положения в Чехословакии и начал говорить о том, что Москва должна понять причины запрещения деятельности коммунистической партии³. Я ответил, что не могу дискутировать с Хвалковским на эту тему, но у меня есть другая тема, на которую я должен кое-что сказать. Я рассказал ему о том, как в Братиславе было запрещено Общество культурных и экономических связей с СССР⁴, как его председатель, между прочим член аграрной партии, был подвергнут даже личному обыску и как была конфискована библиотека Общества. Хвалковскому было явно неприятно, и он длинно оправдывался тем, что в Словакии свое правительство⁵ и в нем сидят неопытные люди, доставляющие пражскому правительству массу лишних неприятностей.

Дальше я указал Хвалковскому на инсинуации в чехословацкой печати, приписывающие СССР какое-то участие в мюнхенских решениях, и на кампанию правой и фашистской прессы, обвиняющей СССР в «измене» Чехословакии⁶. Хвалковский якобы ничего не слышал о моих демаршах по этому поводу и не знал, что я оставил по этому поводу через своего секретаря памятную записку для него. Хвалковский стал благодарить меня за то, что я обращаю его внимание на это, ибо он не может уследить за всем. Он заявил, что СССР держал себя абсолютно корректно в рамках своих обязательств и его нельзя ни в чем упрекнуть. Хвалковский произнес с подчеркиванием эту фразу «в рамках своих обязательств» и дальше попытался сказать, что объективно это все же не могло помочь Чехословакии. Я отрезал замечанием, что никто и ни о какой помощи вне рамок обязательств не может предъявлять требований.

Дальше я обратил внимание Хвалковского на то, что и Общество культурных и экономических связей с СССР в Праге тоже, видимо, находится под угрозой. Орган этого Общества журнал «Прага — Москва» печатается у «Мелантриха»⁷, который отказался от выпуска очередного номера, несмотря на обязанность по договору. Я не хотел бы, чтобы такого рода явления постепенно вынудили у меня сомнения в том, что отношения Чехословакии к СССР не меняются, как в этом только что заверял Хвалковский. Хвалковский в довольно определенной форме сказал, что Общество так же, как и Союз друзей СССР*, совершенно не предполагается запрещать. Вовсяком случае, он теперь будет иметь в виду этот вопрос.

С. Александровский

Публикуется по АВП СССР.

¹ Границы чехословацкого государства не были определены на Мюнхенской конференции. Была установлена лишь демаркационная линия, которая отрезала от Чехословакии четыре пограничные зоны, которые были заняты германскими войсками до 7 октября 1938 г. Пятую зону и окончательные границы страны затем определила международная комиссия, в состав которой вошли представители министерств иностранных дел Германии и Чехословакии, а также послы Италии, Англии и Франции. Деятельность этой комиссии закончилась 21 ноября 1938 г. Согласно мюнхенскому соглашению. Германия захватила более 30 тыс. км² территории Чехословакии, на которой проживало около 800 тыс. чехов. На захваченной территории находилось 30% предприятий металлургической промышленности страны, 80% — текстильной, 26% железных дорог. Германия захватила все пограничные укрепления. Новая граница проходила в 35 км от Праги.

² Беседа Ф. Хвалковского с Гитлером состоялась 13—14 октября 1938 г. Гитлер заявил, что дальнейшая судьба чехословацкого государства зависит исключительно от Германии, и потребовал, чтобы политика Чехословакии полностью подчинилась его диктату. Хвалковский заверил тогда Гитлера, что намерен полностью выполнить все желания Берлина, и выразил готовность чехословацкого правительства порвать все прежние договоры. См. также док. 413 и 419.

³ См. прим. 2 к док. 403.

⁴ См. док. 414.

⁵ См. прим. 2 к док. 414.

⁶ См. док. 404 и 405.

⁷ Дирекция типографии «Мелантрих» отказалась печатать журнал «Прага — Москва» по политическим причинам (AFMZV, Praha, III. sekce, křab. 876, sl. 24, č. j. 153727/38). Но Обществу удалось наладить печатание журнала. Он выходил вплоть до марта 1939 г.

* В тексте: «Общество друзей СССР».